

Татьяна Резник



# ВОСЬМОЙ ЦВЕТ РАДУГИ

Татьяна Резник

**Восьмой цвет  
радуги. Часть 1. Путь**

«Издательские решения»

## **Резник Т.**

Восьмой цвет радуги. Часть 1. Путь / Т. Резник — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-936262-9

Когда-то это было одно существо, обладавшее силой равной богам. Но в результате зависти, лжи и обмана его душа была разделена на две части. Одна исчезла, казалось бы, навсегда, а второй пришлось странствовать по свету, выполняя клятву. Шли годы. Правда о тех событиях стала легендой, сказкой, которую рассказывают детям на ночь. И вот однажды, одна из тех, кто когда-то предал его, решила отправиться с ним в странствование, чтобы загладить былую вину. Кто знает, чем закончится это путешествие?..

ISBN 978-5-44-936262-9

© Резник Т.  
© Издательские решения

# Содержание

Глава 1	7
Глава 2	12
Глава 3	17
Глава 4	21
Глава 5	28
Глава 6	33
Глава 7	35
Глава 8	38
Конец ознакомительного фрагмента.	39

# **Восьмой цвет радуги**

## **Часть 1. Путь**

**Татьяна Резник**

© Татьяна Резник, 2018

ISBN 978-5-4493-6262-9 (т. 1)

ISBN 978-5-4493-6263-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Может быть, все же встретимся снова,  
Может быть, будет нашим рассвет.  
Может, бояться нежного слова  
Нет больше смысла, понятен ответ.

С легкой надеждой, голосом нежным  
Нас позовет, оживая, весна.  
Что-то забудем, подарим людям,  
Наша любовь правит миром одна.

Голос чудесный, прикосновения,  
Я улетаю вновь к облакам.  
Зажили раны, море забвенья,  
Водоворот снов счастливых фонтан.

Мы помним, как летали корабли,  
Мы знали, что бессмысленны сомнения.  
Мы поняли, как близко до земли,  
Где вместо счастья поля сражения.  
Зачем нам мир без самых главных слов,  
Уносит нас от центра притяженья.  
Ты вспомни лабиринты наших снов.  
Ты оглянись лишь на мгновенье.

Лиана Милович

## Глава 1

Когда желтоклювый гусь, надменно глядя на него с вершины огромного валуна заявил, что его ждут в Хродгерде, он не придавал этому значения. Дикие утки тоже не смогли убедить его отправиться на край света, в продуваемый всеми ветрами северный город. И только огромная, покрытая бородавками коричневая жаба, на которую он чуть не наступил в сумраке леса, приняв ее за камень, заставила его отказаться от первоначальных планов и все-таки отправиться в Хродгерд. И вот спустя неделю после этих событий он, наконец, выбрался из милого его сердцу леса и теперь шагал по огромному плато. До Хродгерда оставалось не больше суток пути. Мужчина шел, не обращая внимания на белоснежные цветы, которые били его по ногам, оставляя на штанах и сапогах желтую пахучую пыльцу. Восточный ветер гулял по плато, перекатывая зеленые травяные волны. Пахло морем. Оно было совсем рядом, в тридцати метрах внизу, у самого подножья коричнево-ржавых скал. У горизонта, приобретая в лучах заходящего солнца серебристо-розовый оттенок, тонкой лентой тянулись облака. Криспин поправил тяжелый, уже порядком надоевший ему мешок, оттягивающий вниз его правое плечо, и ускорила шаг. Скоро стемнеет и этот замечательный жемчужно-розовый вечер сменится холодной ночью. Тяжелая, как театральная занавес, темнота падет, скрывая то, к чему уже успели привыкнуть глаза. Вместе с темнотой придут холодный ветер и дождь. Криспин уже успел заметить, что мелкий, промозглый, не по-летнему холодный дождь здесь всегда идет по ночам, добавляя унылых красок в общую картину происходящего. Его глаза скользнули по плато и остановились на темном пятне, возвышавшемся над равниной. Он заметил его давно и вот уже около часа шел к нему, все больше отклоняясь от первоначального маршрута. Пятно, оставаясь на месте, по мере его приближения меняло свои очертания. Если вначале оно действительно напоминало лишь неясное пятно, то теперь все больше и больше походило на огромный камень. О том, что это именно так, говорила тень, которую оно отбрасывало, и которая увеличивалась по мере того, как солнце все ниже опускалось к горизонту. Конечно, камень, если это действительно был он, не бог весть какая защита от непогоды, но это все же лучше, чем ничего. Провести еще одну ночь на ветру, под мелким холодным дождем, Криспину совсем не хотелось.

Он подошел к нему в сумерках, когда последние лучи солнца уже «стекали» с плато в море и остановился. Определенно, сегодня был не его день. Если удача отвернулась от тебя с самого утра, глупо ждать, что она вернется вечером. Камень, к которому он так стремился и из-за которого ушел в сторону от тропы, не годился для укрытия. Сожалея о потерянном времени, Криспин обошел вокруг камня, стараясь не наступать на длинную, вытянутую по направлению к морю тень, и вздохнул. И тут, как будто его вздох послужил своеобразной командой, пошел дождь. Криспин дернул плечом, сбрасывая на землю мешок. Он все еще надеялся на то, что этот камень окажется просто куском скалы, а не тем, в чем его хотели убедить глаза и разум. Его руки с длинными пальцами прикоснулись к камню. Знак, если он, конечно, был, должен находиться на восточной стороне камня. Жаль, что он не оказался здесь чуть раньше, когда было еще светло... Тень от камня исчезла, утонув в темноте ночи. Криспин придвинулся вплотную к камню и стал ощупывать его. Его глаза были закрыты. Сейчас, в полной темноте, они уже ничем не могли помочь ему. Его чуткие пальцы скользили по камню, пытаясь отыскать на изъеденной ветрами и влагой поверхности только ему одному ведомый знак. Прошло десять минут. Подушечки пальцев начало саднить от мелких царапин, руки сводило от холода, но он продолжал настойчиво ощупывать камень. Угасшая надежда возрождалась в его душе. Знака не было. Это был просто камень. Один из тысячи подобных камней. Почти убедив себя в том, что воображение сыграло с ним злую шутку, он в последний раз скользнул по шершавой поверхности руками и улыбнулся. Это не портал. Это просто камень, за которым он может

укрыться от дождя и ветра. Продолжая улыбаться, он опустил левую руку. Правая, опускаясь, заскользила вниз по камню. И тут улыбка на лице Криспина застыла. Простояв несколько секунд в полном молчании, он снова стал ощупывать камень. Тонкая, изрезанная мелкими трещинами ложбинка образовывала идеальный круг. Несколько более глубоких линий рассекло его, разбивая на сектора. В центре было углубление. Он запустил туда палец, определяя глубину, и не смог скрыть своего разочарования. Это был именно тот знак, который он искал: восьмиконечная звезда в поделенном на сектора круге. Это была дверь, ведущая в другой мир. Криспин сел на корточки и стал шарить позади себя рукой. К счастью, его мешок был на прежнем месте. Схватив его в руки, он стал отступать от камня. Мелкий холодный дождь капал ему на лицо, но он не замечал этого. Он хотел как можно быстрее покинуть это место. Даже закрытый портал мог стать источником огромных неприятностей, а если он откроется... Забросив мешок на плечо, мужчина быстро пошел прочь. Ноги путались в высокой траве, он то и дело спотыкался, но упрямо продолжал идти вперед. Временами, рискуя упасть и сломать себе шею, он переходил на бег. Мужчина остановился только тогда, когда услышал тихий рокочущий звук. Он сел на корточки и прислушался. Где-то совсем близко было море. Теперь он не только слышал шум, издаваемый водой, бьющейся о скалы, но и ощущал знакомый соленый запах. Дальше идти было опасно. В такой темноте он мог запросто свалиться со скалы. Порывшись в мешке, Криспин достал грубый плащ из козлиной шкуры и набросил его на плечи. Стало теплее. Кусок вяленого мяса, засунутый за щеку, немного улучшил его настроение. На этом хорошие моменты сегодняшнего дня и закончились. Мелкий холодный дождь продолжал капать из бесконечной темноты, заставляя мужчину посильнее натягивать на голову капюшон. Сидеть на мешке было неудобно, но пропитанная влагой земля привлекала его еще меньше. Закутавшись в плащ и закрыв глаза, он тщетно пытался уснуть. Когда же ему это удалось, Криспину приснилась огромная коричневая жаба, которая смотрела ему в глаза и повторяла: «Хродгерд... Хродгерд...», а на ее груди точно между кривых передних лап блестел большой золотой медальон с выпуклой звездой в центре. Криспин потянулся к медальону, но тот оказался дальше, чем он рассчитывал. Он предпринял еще одну попытку забрать у жабы медальон, но не удержал равновесие, покачнулся и упал. Жаба исчезла. Он лежал на холодной траве, ощущая противный кислый запах мокрой козлиной шкуры. Встав на четвереньки, Криспин потряс головой, прогоняя остатки сна. Светало. К постоянному и немного однообразному рокоту моря добавились новые звуки. Это кричали мэвы, морские чайки. Криспин встал и сильно потянулся. Потом он немного покрутился вправо-влево, взмахнул руками и, чувствуя, что, наконец, проснулся, посмотрел по сторонам. Он стоял почти на самом краю плато. Выходит, что вчера он вовремя остановился. Еще несколько десятков шагов и он бы свалился с обрыва в море... А где же камень? Криспин закружился на месте. Камня нигде не было. Блуждающий портал... Только этого не хватало! Надо уходить с плато. И чем быстрее он это сделает, тем будет лучше. Сняв плащ, он несколько раз сильно встряхнул его и, вывернув наизнанку, стал засовывать в мешок. Попутно он выудил из мешка несколько кусков вяленого мяса и фляжку с водой. Напившись, Криспин засунул за щеку мясо и завязал мешок. Ни ручья, ни реки подлзости не было. Море находилось далеко внизу. Криспин коснулся руками мокрой травы и тут же провел ими по лицу. Считай, умылся. Холодный ветер иголочками впился в кожу, и Криспин понял, что теперь он окончательно проснулся. Мешок с мокрым плащом внутри стал в несколько раз тяжелее, но делать было нечего. Привычным движением забросив его на плечо, Криспин двинулся в путь.

Солнце стояло в зените, когда он вышел к Дороге Великанов. Криспин никогда не был здесь раньше, но сразу понял, где именно находится. Не узнать это место было просто невозможно. Огромные, идеально ровные шестиугольные плиты возвышались одна над другой, образуя лестницу или дорогу, смотря какое было воображение у тех, кто на нее смотрел. Море приблизилось настолько, что мужчина при желании мог коснуться его рукой. Первая же уда-

рившая в камни волна, заставила его отказаться от этой глупой затеи. Дождавшись, когда белая пена сползет в море, Криспин шагнул на Дорогу.

Он прыгал со ступени на ступень, подтягивался на руках там, где высота камней была почти одного с ним роста, протискивался между каменными столбами и через час так взмок, что вынужден был присесть, чтобы немного отдохнуть. К этому времени его мысли приобрели определенный характер. Криспин думал: «Как странно все-таки устроен этот мир! Тот, кто позвал меня на помощь, спокойно ждет, сидя дома у теплого очага, а я должен идти к нему, преодолевая столько препятствий, голодный, мокрый и измученный настолько, что мне хочется только одного: упасть и уснуть. Разве это справедливо?» Громкие хлопки крыльев отвлекли его от безрадостных мыслей. Криспин обернулся. Неужели ларгвиллы пожаловали? Нет. На каменной ступеньке сидела мэва и с опаской косила на него оранжевым глазом. Он взмахнул рукой, прогоняя чайку, и встал на ноги. Сегодня он не будет спать под дождем на холодном ветру. Он доберется до Хродгерда еще до наступления ночи, чего бы это ему не стоило!

Прошло еще несколько часов, прежде чем он поднялся на вершину каменной лестницы. Внизу зеленым ковром простиралась равнина. Там, где начинались Скалистые горы, виднелись небольшие, покрытые травой холмы. Это был Хродгерд. Испокон веков даняне строили именно такие дома-курганы. Криспину показалось, что он видит тонкий дымок, поднимающийся над крышей одного из этих домов. И тут его взгляд опустился и замер на Дороге Великанов. Он преодолел ровно половину пути. Мужчина обернулся, посмотрел на солнце, которое уже начало опускаться к горизонту и, примерившись, спрыгнул на расположенную ниже ступень. Кто знает: может быть, спуск окажется легче подъема?

\* \* \*

Вождь данян Хродгерда, великий Оспак восседал во главе огромного деревянного стола, сжимая в правой руке тяжелый бронзовый кубок. Густая пена вытекала из кубка и сползала вниз, капая на стол. Вождь этого не замечал. Он смотрел на открытую дверь дома. Квадратное пятно, еще несколько часов назад яркое, теперь посерело и стало мутным. Еще несколько минут и оно окончательно потемнеет. На Хродгерд опустится ночь. Это означало только одно: дверь в дом должна быть закрыта. Настроение Оспака испортилось. Тот, кого он ждал уже неделю, сегодня опять не пришел. Значит, ему предстоит еще одна бессонная ночь. Его люди уже валились с ног от усталости, хотя и делали вид, что эти бесконечные ночные посиделки им по душе. Друг Оспака, силач Гнуп спал, уронив на стол голову. Вождь поставил на стол кубок и сделал знак Бирте. Пусть закроет дверь. Женщина поднялась со стула. На ее губах была улыбка, а в глазах плескался страх. Наверное, она думала, что Оспак настолько глуп, что не видит этого. Вождь сдвинул густые брови. Улыбка на лице женщины застыла, превратившись в гримасу. Отряхивая юбку, она направилась к двери. Вот ее пальцы потянули за бронзовое кольцо, и дверь стала закрываться, издавая жалобные звуки. Брови Оспака сошлись в одну линию. И тут кольцо вырвалось из пальцев Бирты. Дверь замерла, а потом, не успев даже скрипеть, распахнулась настежь. Женщина взвизгнула и отскочила в сторону. На пороге стояло странное существо. У него была треугольная голова и покрытое шерстью тело. Запах, который издавало существо, заставил Бирту зажать руками нос. Оспак поморщился. Существо сбросило с головы капюшон. Шум за столом стих.

– Прощу меня извинить. Эти постоянные дожди доконают кого угодно. Даже мой плащ. Если позволите, я оставлю его за дверью.

Сдернув плащ с плеч, говоривший вышвырнул его на улицу и захлопнул дверь. Когда он вошел в дом, все увидели, что это не диковинное существо, как им показалось вначале, а молодой мужчина в грязных сапогах, потрепанной одежде и с тяжелым мешком на плече.

– Эйнар? Это ты?

От удивления Оспак даже привстал.

– Я. А ты ждал кого-то другого?

– Ты задержался.

– Немного. К тому же путь был не близким. Я был у древнян, когда получил приглашение.

– Приглашение?

– Да. Гусь сказал, что меня здесь ждут. Надеюсь, он не ошибся? А то придется свернуть ему шею. И жабе заодно...

Оспак усмехнулся:

– Иди сюда! Садись к столу. Эй, там! Освободите гостю место!

Тот, кого Оспак назвал Эйнар, сбросил с плеча мешок, аккуратно поставил его возле двери и пошел к столу. Разом повеселевший вождь вновь поднял кубок:

– Давайте выпьем за того, кто всегда приходит на помощь... – тут Оспак немного замялся, – ... в сложных ситуациях! За одинокого воина! За Эйнара!

Даняне дружно подняли кубки. Гнуп проснулся и теперь удивленно глядел по сторонам. Он явно не мог понять, что происходит. Криспин, который здесь, в Хродгерде, отзывался на имя Эйнар, сел справа от Оспака и тоже поднял кубок. Измученному долгим путешествием ему хотелось только одного – отдохнуть, но он знал, что даже столь простое желание невыполнимо. По крайней мере, сейчас. Вместе со всеми он выпил бокал крепкого пива, и вытирая пену с губ, подумал: «Все-таки хорошо, что я успел вовремя. Даняне суеверны и не открыли бы мне дверь после наступления темноты, даже если бы я молил их об этом. Еще бы и стрелу выпустили для верности в того, кто посмел их побеспокоить!» После появления Криспина пиршество продолжилось. Гости следовали один за другим. Пьяный и сытый, Криспин чувствовал, что его глаза начинают слипаться. Половина людей сидевших за столом, уже спала, уронив головы на столешницу. Другие были пьяны настолько, что произносимые ими речи были понятны только им самим. Криспин улучил момент и склонился к Оспаку.

– Думаю, сейчас самое время задать этот вопрос: зачем ты позвал меня, вождь. Что случилось?

Оспак замер. На мгновение его пьяный взгляд, обращенный на Криспина, стал осмысленным.

– Я не стал бы беспокоить тебя по пустякам, Эйнар. Но меня хотят убить...

– Кто?

– В том то и дело, что я не знаю, кто.

Криспин удивленно заморгал.

– Я не понимаю...

– Сейчас позову Бирту, она тебе лучше объяснит...

Повинуясь взмаху его мощной руки, Бирта встала со своего места и направилась к мужу. Спрятав под передник руки, она встала между мужчинами, вопросительно склонив голову на бок. Ни ее поза, ни сложенные на животе руки не могли скрыть ее положения. Бирта была на сносях. Срок был уже достаточно велик. Оспак ожидал появление наследника в самое ближайшее время.

– Расскажи ему все, Бирта! Расскажи Эйнару все! Он пришел, чтобы спасти меня!

На лице Оспака появилась глупая улыбка. Бирта сжала тонкие губы и надменно взглянула на Криспина. В этот момент она была так похожа на гусыню, что Криспин не выдержал и усмехнулся. Бирта вспыхнула. Её белое лицо пошло пятнами. Она закусил нижнюю губу и с обидой взглянула на мужа. Оспак ее взгляда не заметил. Он был настолько пьян, что с трудом сидел. Подняв тяжелый кубок, он не удержал его и уронил. Пиво потекло по столу, и добравшись до края, закапало на пол. Криспин проводил его взглядом и поднял глаза на женщину.

– Какая опасность угрожает твоему мужу, Бирта? Он сказал, что его хотят убить...

– Так и есть. Вот только чем ты сможешь ему помочь?

– Я много что могу. Расскажи.

Бирта снова поджала губы и бросила еще один взгляд на мужа, который спал, сидя за столом и уронив голову в лужу только что пролитого им пива. Потом ее взгляд переключался на лицо молодого мужчины. Оспак назвал его Эйнар, одиноким воином, но он совсем не был похож на него. Потрепанная одежда, грязная обувь, изодранные до крови руки... Разве так должен выглядеть великий воин? Давно немытое лицо, нечесанные волосы, глаза... А вот глаза у мужчины были необычными. Коричневые, как скорлупа спелого лесного ореха, они смотрели на нее с ожиданием. Густые длинные ресницы, которые больше бы подошли девушке, едва заметно дрожали. Бирта сглотнула, освобождаясь из плена необычных глаз Эйнара и выдохнула:

– Каждую ночь, стоит только моему мужу уснуть, кто-то набрасывается на него и начинает душить! Три ночи назад мы с трудом разбудили его... Еще несколько минут и он бы точно умер! С тех пор мы не спим и ждем тебя. То есть Эйнара, я хотела сказать...

– Понятно... А ты видела того, кто душит твоего мужа?

– В том то и дело, что никого нет! Оспак задыхается, стонет, машет руками, словно пытается кого-то оттолкнуть, а никого нет! Нет – и все!

Лицо Бирты снова пошло пятнами. Криспин кивнул и попытался подняться. Тело послушалось его. Ему удалось даже встать, но потом ноги подкосились и он рухнул на пол. Он попытался перевернуться, но не смог. Сон навалился на него, разом стерев все мысли. Криспин провалился в темный колодезь, в котором не было ничего. Только пустота. Даже жаба с золотым медальоном и та ему больше не снилась.

## Глава 2

Проснулся Криспин также внезапно, как и уснул. Голова болела, шея затекла и не хотела поворачиваться, спина ныла, а руки... Они не поднимались. Он даже пальцем не мог пошевелить! Будь проклята эта Дорога Великанов! Сколько сил она отняла у него! Мужчина заворочался на полу, пытаясь встать. Сверху донесся насмешливый женский голос:

– Неужели великий воин повержен? И кто же его одолел?

– Сон!

– И пиво!

Женщины засмеялись. Криспин открыл глаза. Над ним возвышалось две фигуры. Одной из насмешниц была Бирта, жена Оспака, а второй молоденькая девушка с такими же светлыми как у Бирты волосами и большими зелеными глазами.

– Тебе помочь? – девушка протягивала Криспину руку.

– Спасибо, я сам.

Заставив себя не думать о боли, мужчина перекатился на живот и стал осторожно подниматься. Пусть и с трудом, но ему удалось это сделать. Держась рукой за спинку стула, он снова посмотрел на женщин. Они улыбались. Бирта поинтересовалась:

– Ты чего-нибудь хочешь? Может, еще пива?

– Нет. Пива не хочу. Хочу кое-чего другого. Но об этом позже. Как Оспак?

– Еще спит.

Взгляд ореховых глаз был серьезным.

– Этой ночью ничего не случилось?

– Нет.

– Вот и хорошо.

– Наверное, невидимый убийца тебя испугался! – Зеленоглазая девушка приснула в кулак.

– Хорошо бы. Только так не бывает. Хотя... – он пристально взглянул на девушку, – может ты и права. Иногда меня действительно можно испугаться!

Улыбка исчезла с лица девушки. Она удивленно смотрела на Криспина, не зная, что ответить. Бирта пришла ей на помощь:

– Ты сказал, что хочешь «кое-чего другого»...

– Да. Я хочу искупаться. И желательно в теплой воде. А еще лучше – в горячей. Это можно организовать?

Бирта кивнула:

– Я прикажу затопить баню. Может Оспак тоже присоединится к тебе...

Криспин опустил на стул, за спинку которого держался во время разговора. Хорошо, что убийца не пришел этой ночью. От него, как от защитника, было бы мало пользы... Криспин скользнул глазами по комнате. Его мешок стоял на прежнем месте, у двери. Бирта заметила, куда он смотрит:

– Я почистила твой плащ и повесила сушиться в сарае.

– Надеюсь, там никакой живности нет?

Женщина поняла его шутку и улыбнулась.

– Нет. Только дрова.

– Хорошо. Ты меня успокоила.

Молоденькая светловолосая девушка снова засмеялась. На этот раз он не стал смотреть на нее. Его мысли были заняты другим. Криспин думал о том, что ему нужно встать со стула, как-то дойти до своего мешка, закинуть его на плечо, а потом вернуться обратно к столу. Проблема была в том, что ему страшно не хотелось это делать.

Баня была просторной. В ней легко поместилось бы до десяти человек. Но сегодня там находилось только двое: Эйнар и Оспак. Вождь еще не пришел в себя после вчерашней ночи, поэтому был сдержан в речах и движениях. Он сидел на лавке, опустив ноги в таз с горячей водой и уперев руки в мощные бедра, делал вид, что думает. На самом деле в его голове никаких мыслей не было. Его важный вид был просто ширмой. Он исподтишка разглядывал Эйнара, стараясь, чтобы тот не заметил его интереса и ненароком не обиделся. Об одиноком воине ходили легенды, вот только что в них было правдой, а что вымыслом, Оспак не знал. Его бабка, балуя внуков сказками на ночь, рассказывала, что Эйнар родился очень давно. Людей тогда еще не было, а на земле жили ларгвиллы-боги. Эйнар с богами не соперничал, но и не чтил их, как это делают сейчас люди. Он был занят только собой. Его сила в те времена была безмерна, а способности, которыми он обладал, безграничными. Он мог разговаривать с животными, играть на музыкальных инструментах, которые сам же и создавал. А еще он мог менять свой облик. Он мог быть то женщиной, то мужчиной, а иногда обоими одновременно. Оспак представил такое существо и усмехнулся. Должно быть занятно он в то время выглядел... То, что Эйнару не было дела до богов, совсем не означало, что они им не интересовались. Зависть существовала всегда, даже в те далекие времена. Не зная, чего можно ожидать от все-сильного Эйнара, и в глубине души опасаясь его, боги прибегли к обману. Они заманили воина в ловушку. И там, в пустоте, где кроме холода и света не было ничего, они разделили его тело на две части. Это привело к тому, что и душа Эйнара тоже разделилась пополам. Из одного все-сильного и могучего существа получилось два. Но ларгвиллы на этом не остановились. Зависть и ненависть к более совершенному существу заставили их пойти на еще большую подлость. Они разбросали половинки Эйнара по разным мирам, сделав так, чтобы те больше никогда не смогли воссоединиться. Эйнар пытался бороться, но его силы уже не были такими, как раньше. Богам удалось одолеть его. Они сковали его по рукам и ногам и бросили в самую глубокую расщелину в земле, где он должен был пребывать между жизнью и смертью до скончания веков. Одолев Эйнара, боги занялись обустройством земли. Они создали людей, животных, растения. Новый мир, которым они могли бы безраздельно править. Сначала все шло так, как они задумали, но потом все изменилось. Желание безраздельно властвовать над созданным ими миром, в конечном счете, сыграло с богами злую шутку. Люди, которых они считали своими рабами, переняли черты характера своих создателей. Вместо того, чтобы подобно Эйнару заниматься самосовершенствованием, они стали воевать, отнимая друг у друга то, что им казалось ценным. Боги пытались их вразумить, но это было бесполезно. Тогда они вновь открыли портал, чтобы разделить теперь этих существ на части и тем самым лишить их силы. Но делить было нечего. Души людей были изначально ущербны, как и души их создателей. Тогда ларгвиллы выпустили из портала страшных существ, чтобы те помогали им держать непокорных людей в узде. Существа из других миров проникли в этот мир, но это не сделало богов все-властными. Снова полились реки крови, снова люди бунтовали и проклинали богов, обвиняя их в своих несчастьях. Ненависть породила еще большую ненависть. Страх – еще больший страх. Боги попытались вернуть существ в портал, но у них не вышло. Новый мир им нравился больше их прежних миров. Здесь было вдоволь еды и много места. Опасаясь, что весь созданный ими мир вновь выйдет из-под контроля, боги снизошли до милости. По крайней мере, они так считали. Они спустились в расщелину, куда бросили умирать Эйнара и предложили ему сделку, которую они, чтобы скрыть свое вероломство и позор, назвали «работой». Они пообещали воссоединить половинки Эйнара, если он сделает то, о чем они его просят. Воин должен был убивать злобных существ, когда они уж очень сильно докучали людям или даже самих людей, когда те переходили в своей ненависти границы разумного. Эйнар согласился. Может быть, он сильно тосковал по своему второму «я», а может, просто не видел другого выхода из сложившейся ситуации. С тех самых пор и бродит одинокий воин по миру, сохра-

няя его шаткое равновесие. Говорят, что ларгвиллы снова обманули его. Они не вернули ему потерянную половину его души, хоть и обещали.

Оспак шумно вздохнул и поменял позу. Детские воспоминания надолго увели его из реального мира. Стоило просто взглянуть на мужчину, с которым он находился сейчас в бане, чтобы понять, насколько преувеличены все эти истории. Вытащив ноги из таза с водой, вождь кашлянул, прочищая горло и произнес:

– Ты еще кожу с себя не содрал? Так трешь ее мочалкой...

Эйнар обернулся:

– Я думал, ты спишь!

– А глаза?

– А глаза открыты для маскировки!

Оспак усмехнулся.

– Может, я и правда на время... отключился. Бессонные ночи сделали свое дело. Спину потереть?

– Угу. А потом веничком...

Еще час мужчины парились, не о чем не думая, почти не разговаривая, а просто наслаждаясь процессом. Оспак больше не разглядывал Эйнара, для себя решив, что этот мужчина просто не может быть тем древним существом из сказок его бабки. Ни внешностью, слишком обыкновенной по мнению вождя, ни миролюбивым поведением, он не напоминал воина, посмеявшегося бросить вызов богам. Это был просто мужчина примерно тридцати лет, с жилистым телом и приятной внешностью. Он скорее напоминал человека, привыкшего к долгим пешим переходам, чем воина. Его помощник и друг Гнуп внешне выглядел намного сильнее его. Да и сам Оспак десяток таких, как Эйнар уложил бы одной рукой и даже не вспотел бы. Вот только глаза... Глаза у Эйнара были необычными. И взгляд странным. Как будто он смотрел не на Оспака, а внутрь него и видел то, что другим было не суждено увидеть. Встретившись с Эйнаром взглядом, Оспак на секунду замирал, а его душа, спрятанная в сильном и могучем теле, начинала трепетать, как крылья бабочки, порхающей у цветка. И вождь понимал, что боится этого мужчины. Испытываемый им страх не был страхом воина перед битвой или походом. Это бы ужас ребенка, оставленного родителями в темном и незнакомом месте. Испытав несколько раз это ощущение, вождь старался больше не смотреть Эйнару в глаза. Пусть он и не был тем легендарным древним воином, но он отзывался на это имя и пришел на помощь, когда Оспак его позвал. Бабка говорила, что Эйнара позвать просто. Нужно выйти в поле, дождаться, когда в небе появятся птицы и несколько раз громко прокричать его имя. Птицы передадут Эйнару, что его зовут, и он придет. Оспак в эти сказки не верил. Он все-таки был вождем, а не ребенком, и поэтому поступил иначе. Он отправил за Эйнаром своего лучшего воина. Потом еще одного. И еще одного. Потом отряд из десяти человек, из которого назад, в Хродгерд вернулся только один. Он был измучен, весь в крови и рассказывал такие невероятные вещи, в которые трудно было поверить. По его словам *нечто* поглотило всех воинов одного за другим и лишь ему удалось спастись. Он сумел до наступления темноты спуститься с плоскогорья и спрятаться среди камней Дороги Великанов. Он не спал всю ночь, вслушиваясь в шум моря и замирая от криков ночных птиц. Ему чудились шаги и тихий вкрадчивый шепот, который то приближался, то удалялся от него. Наверное, это *нечто* искало его. Но у воина хватило выдержки и утром *нечто* ушло, оставив его в живых. Все дружно посмеялись над этим рассказом, но никто из воинов не изъявил желания отправиться на поиски Эйнара. У всех перед глазами стоял образ трясущегося и заикающегося человека с безумными глазами и поседевшими волосами, который еще пару дней назад был одним из лучших воинов их дружины. К тому времени жизнь Оспака превратилась в сплошной кошмар. Невидимый убийца теперь приходил каждую ночь. Утром Бирта плакала и билась в истерике. Оспак боялся, что она потеряет ребенка. Да и сам он после такой ночи чувствовал себя полностью опустошенным. И вот тогда

он заставил себя забыть о том, что он вождь. Ранним утром Оспак вышел в поле, дождался, когда в небе покажутся желтоклювые гуси и громко закричал:

– Эйнар! Я зову тебя! Приди в Хродгерд! Мне нужна твоя помощь!

Накричавшись так, что у него осип голос, Оспак вернулся домой и стал ждать. Прошла неделя и на пороге его дома появился незнакомый человек, который отзывался на имя Эйнар и который (Оспак почему-то был в этом уверен), ему обязательно поможет.

После бани вождь и его гость наелись вкусного супа с бараньими потрохами, выпили пива и поняли, что расслабились настолько, что вот-вот уснут. Оспак так и сделал, а Эйнар взял свои вещи и вышел из дома. Льот, старшая дочь Оспака, нашла его на берегу реки. Мужчина стоял на коленях на небольшом деревянном настиле, на котором женщины их города обычно стирали белье и что-то говорил, но так тихо, что она не могла понять ни одного слова. Льот усмехнулась. Ну и чудной этот незнакомец! Интересно, что он бормочет себе под нос? Простояв на коленях еще несколько минут, Эйнар встал и стал что-то доставать из своего мешка. Девушка вышла из-за дерева.

– Что ты собираешься делать?

Казалось, мужчина абсолютно не удивился, увидев ее.

– Собираюсь стирать одежду.

– Хочешь, я ее постираю?

– Нет. Я сам.

– Стирать вещи – не мужское дело!

– А чье?

– Женское!

– А если мужчина как я путешествует один? Он что, должен ходить грязным?

– Он может попросить кого-нибудь постирать его одежду.

Ореховые глаза взглянули на девушку.

– Я не люблю просить. Тем более о таких вещах, которые могу сделать сам. – Секунду помедлив, он добавил, – но все равно спасибо.

Льот понимала, что разговор окончен, но уходить ей не хотелось. Она села на настил недалеко от Эйнара и спросила:

– Ты пришел, чтобы спасти моего отца?

Мужчина кивнул, одновременно с этим окуная рубашку в реку.

– Ты думаешь, у тебя получится?

Эйнар не ответил. Он сосредоточенно намыливал мокрую рубашку.

– Говорят, ты великий воин... – На лице девушки появился румянец.

– Люди много чего говорят.

Обрадованная тем, что он ответил, Льот задала очередной вопрос:

– А где твой меч?

Эйнар повернул к ней лицо:

– Какой меч?

– Но ты же не будешь отрицать, что у каждого воина должен быть меч?

– Ну, раз ты так считаешь...

– У моего отца есть меч. И у дяди Гнупа есть.

– Это хорошо. – Теперь Эйнар намыливал штаны.

– Ты не ответил. У тебя есть меч?

– Есть.

– Тогда где он?

Мужчина усмехнулся.

– Отдал одному человеку на хранение.

– А если он тебе его не вернет?

– Почему не вернет?

– Обманет.

Эйнар улыбнулся.

– Я не думаю, что он обманщик. По крайней мере, до этого он никогда не обманывал меня.

– А если все-таки обманет?

В зеленых глазах девушки был неподдельный интерес.

– Тогда я вырву у него из груди сердце!

Эйнар показал, как он будет вырывать сердце у обманщика. Кусок мыла, который он держал в руке, смялся в бесформенный комок. Льот испуганно вскрикнула и отшатнулась. Эйнар положил изрядно деформированный кусок мыла на настил и, склонившись над водой, стал полоскать штаны. Девушка сидела, прижав к щекам вспотевшие ладони. Она представила, как мужчина вырывает из чьей-то груди сердце и раздавливает его в кулаке. Этот Эйнар был страшным человеком. И почему ей раньше казалось, что он и мухи не обидит? Прополоскав брюки, мужчина их сильно выжал и принялся полоскать рубашку. Опасаясь, что Эйнар увидит, как у нее дрожат от страха руки, Льот стала потихоньку отползать в сторону. Эйнар выжал рубашку, положил ее сверху на штаны и спокойно произнес:

– Ты права насчет меча. Он всегда должен быть у настоящего воина под рукой, а то когда его нет, приходится убивать людей голыми руками. А это, к сожалению, не всегда удобно. Люди хрипят и извиваются, когда их душишь, а когда вырываешь сердце из их груди, руки сильно пачкаются кровью. А когда ломаешь шею...

Льот вскочила на ноги и со всех ног бросилась бежать. За ее спиной раздавался громкий смех Эйнара. Не решаясь обернуться, девушка стрелой пролетела через подлесок и скрылась в доме. Продолжая смеяться, мужчина встал на ноги, и собрав постиранную одежду, стал аккуратно развешивать ее на ближайшем дереве. Пристроив на ветке штаны, он резко сжал руку в кулак, как несколько минут назад, когда рассказывал Льот о том, как будет вырывать сердце, и снова засмеялся.

## Глава 3

До вечера было еще далеко, а женщины из рода Оспака уже начали готовиться к предстоящему ужину. Льот помогала матери ощипывать кур. Эта работа не требовала от девушки внимания и сосредоточенности. Она была настолько привычной, что руки справлялись с ней сами. В то время как руки ощипывали птицу, голова была занята непривычным для нее делом. Она думала. Но долго так продолжаться не могло. Льот непременно нужно было с кем-то поделиться своими мыслями.

– Послушай, Бирта, – она окликнула свою мачеху. – Этот Эйнар... Что ты думаешь о нем? Бирта чистила овощи.

– Ничего не думаю. А что?

– Мне он показался очень опасным. Ты думаешь, он поможет отцу?

– Надеюсь, что поможет. За этим он и пришел сюда.

– А может не за этим?

Женщина вытерла вспотевший лоб.

– А зачем тогда?

– Ну, я не знаю...

Женщина сердито посмотрела на падчерицу:

– Ты чего-то не договариваешь, Льот. А ну давай, выкладывай все на чистоту!

Льот глубоко вздохнула и, стараясь не смотреть на Бирту, заговорила.

– Когда отец уснул после бани, я пошла следом за Эйнаром.

– Зачем?

Девушка скривилась, не желая отвечать на такой глупый по ее мнению вопрос.

– Я нашла его у реки, где он собирался стирать белье.

– И что?

– Я сказала ему, что стирка это не мужская работа!

Бирта покачала головой, то ли осуждая девушку, то ли соглашаясь с ней.

– А он?

– Он сказал, что привык все делать сам.

Бирта усмехнулась.

– И вот тогда я спросила его про меч!

Улыбка исчезла с лица женщины.

– Про какой меч?

– Ну, ведь у каждого воина должен быть меч! Ведь, правда? У отца есть и у Гнупа тоже...

– И что он тебе ответил?

– Сказал, что отдал свой меч на хранение.

Бирта бросила очищенную репу в ведро и повернулась к девушке.

– Не понимаю, к чему ты клонишь. Ну, поговорили вы и что? Надеюсь, ты не совершила какую-нибудь глупость?

Льот отрицательно покачала головой.

– Он сказал, что убивает врагов голыми руками...

Бирта откинулась телом назад и расхохоталась. Она смеялась до тех пор, пока ее щеки не стали пунцовыми, а из глаз не потекли слезы. Льот обиженно нахмурилась.

– Ты не понимаешь...

Бирта вытерла слезы.

– Я все понимаю. Он просто подшутил над тобой, глупая девчонка! Ты видела его руки?

Как такими руками можно кого-нибудь убить?

– Ты думаешь...

– Я думаю, что ты надоедала ему, как мне сейчас, своими пустыми разговорами, вот он и решил припугнуть тебя, что бы ты от него отстала! – И она снова принялась за овощи.

– Мне не показалось, что он шутит...

– Все, хватит, Льот. Занимайся делом. Твой отец позвал его. Значит, он наш гость. А то, что он сам свою одежду стирает, тоже хорошо. Нам меньше хлопот. И не ходи за ним больше, слышишь? Не то я пожалуюсь твоему отцу. Скажу, что ты бегаешь за взрослыми мужчинами!

Льот закусил нижнюю губу. Она была обижена и не хотела скрывать этого. Еще посмотрим, кто окажется прав!

Вечер начался как обычно. Гости устроились за огромным столом и стали ужинать. Тосты за здоровье Оспака следовали один за другим, пиво текло рекой. И только один человек за этим огромным столом не принимал участия в общем веселье. Бирта, после разговора с падчерицей, решила «присмотреться» к гостю. Она заметила, что Эйнар почти ничего не ест и не пьет. Да, он поднимал кубок вместе со всеми и даже подносил его к губам, но женщина готова была поклясться, что он не сделал из него ни одного глотка. Выглядел сегодня Эйнар тоже иначе, чем вчера. Может причиной тому была чистая одежда и отмытое в бане тело... Бирта не знала. Волосы мужчины больше ничем не напоминали грязные бурые сосульки. Они мягкими волнами спускались вдоль лица и ложились на плечи. Одет он был в холщовую коричневую рубашку и такого же цвета штаны. Кожаный жилет, подбитый мехом, был туго зашнурован, оставляя открытым только небольшой участок кожи у самого горла. Вспомнив рассказ Льот, Бирта посмотрела на его руки. Они были сильными и красивыми. Это были руки музыканта, но никак не убийцы. А глаза... Наверное, Эйнар заметил, что она его разглядывает и посмотрел на Бирту. Женщина замерла. Даже ее ребенок, который секунду назад настойчиво бил ножкой в животе, тоже перестал шевелиться. Медленно, как сквозь щель в старой раме, в дом проникает холодный воздух, в сердце женщины стал пробираться страх. Она перестала слышать крики возбужденных мужчин. Очаг, возле которого она сидела, больше не грел ее. Бирта озябла, как будто она несколько часов простояла на улице под дождем. Её руки и ноги стали такими тяжелыми, словно на них положили камни. Она хотела, но не могла пошевелить даже пальцем. Задышавшись, женщина прошептала:

– Отпусти...

Никто в общем шуме не смог бы услышать этого тихого шепота. Но Эйнар услышал. Его глаза скользнули в сторону, отпуская Бирту. Женщина глубоко вздохнула, «проталкивая» в себя воздух. Ребенок слабо шевельнулся у нее в животе. И тут усталость разом навалилась на нее. Кто такой этот Эйнар? Что он сделал с ней? Бирта закрыла лицо руками. Сидевшая неподалеку от нее Льот бросилась к ней со словами:

– Что случилось, мама? Тебе плохо? Что-то случилось с ребенком?

Бирта убрала от лица руки.

– Все хорошо. Теперь все хорошо. Не волнуйся.

Ей нестерпимо хотелось снова взглянуть на Эйнара, чтобы понять, что он сейчас чувствует, но она сдержала себя. Бирта помнила, какой ужас она пережила всего лишь несколько секунд назад. Льот права. Этот человек убийца. Она ошиблась в другом. Меч ему не к чему, раз он умеет делать такое просто взглядом.

Вечернее застолье в доме Оспака сегодня закончилось не так, как обычно. В самый разгар веселья Эйнар встал со своего места и спокойно, как будто он был хозяином в этом доме, заявил:

– Ужин окончен. Всем пора спать.

И пьяные, и трезвые дружно посмотрели на Оспака. Вождь кивнул головой.

– Эйнар прав. Пора спать.

Такого от него не ожидал никто. Люди начали роптать. Оспаки медленно поднялся со стула.

– Я сказал: ужин окончен. Расходитесь по домам. Гнуп, дружище, проследи за тем, чтобы через пять минут за этим столом никого не было. И сам ложись спать. Сегодня ты мне больше не понадобишься.

Произнеся такую длинную речь, Оспак опустил на стул и посмотрел на Эйнара. Тот кивнул и снова замер на стуле, постукивая пальцами по столешнице. Задвигались стулья. Недовольные разговоры стихали за дверью, которая скрипела и стучала, провожая гостей. Женщины принялись убирать со стола.

– Бирта!

Женщина обернулась.

– Сегодня я буду спать в комнате Оспака. Постели мне там.

– В комнате лишь одна кровать!

Бирта старалась не смотреть в глаза Эйнару.

– Тогда постели мне на полу.

– Ты слышишь, о чем тебя просят? – Густые брови Оспака сошлись в одну линию. Лоб прорезала глубокая морщина.

– Я сделаю, как ты хочешь.

– Спасибо, Бирта. – Теперь Эйнар был сама вежливость. Его губы улыбались, а необычные ореховые глаза блестели.

Прошел еще час. Оспак ворочался в кровати, пытаясь уснуть. Эйнар тенью скользнул по опустевшей общей комнате и склонился над своим мешком. Несколько слов, сказанных шепотом, и мешок открылся. Мужчина покопался в нем и достал... трубку. Так же тихо он вернулся в комнату Оспака, сел на расстеленную постель и стал набивать трубку. Женская комната располагалась напротив комнаты хозяев и отделялась от общей залы (как, впрочем, и другие комнаты) лишь плотной занавеской. Льот дождалась, когда Бирта уснет и чуть сдвинула в сторону плотную ткань. Теперь она видела комнату отца и Эйнара, сидящего на расстеленной на полу постели. Оспак продолжал ворочаться. Выспавшись днем, он никак не мог уснуть. Эйнар закурил трубку. Зеленовато-сизый дым кольцами поплыл к потолку. Прошел еще час. Льот устала следить за Эйнаром. Ей смертельно хотелось спать, и только раненое самолюбие и женское любопытство мешали ей уснуть. Заворочалась Бирта.

– Чем это так пахнет?

– Это дым. Эйнар курит трубку.

– Так он весь дом провоняет...

Недовольная женщина повернулась на другой бок и снова уснула. Льот тоже закрыла глаза. Густой зеленоватый дым кружился над кроватью Оспака. Громкий храп свидетельствовал о том, что вождь тоже, наконец, уснул. Льот открыла слипающиеся глаза. Что там делает Эйнар? Неужели все еще курит свою трубку? Так и есть. Мужчина по-прежнему сидел на полу и курил, пуская в воздух кольца дыма. Льот показалось, что он даже позы за это время не поменял. И тут громкий храп Оспака сменился хрипом. Льот мгновенно проснулась. Неужели ночной убийца вновь пожаловал к ним в дом? Но как он смог сделать это? Дверь была закрыта и девушка готова была поклясться, что после ухода последнего гостя она ни разу не открывалась. Эйнар отложил в сторону трубку. Теперь его поза выдавала напряжение. Дым, который за это время «растекся» по всему дому, стал собираться над кроватью Оспака. Он клубился, принимая странные формы, и вдруг превратился в женщину. Нет, не так. Льот потеряла глаза. Он просто окутал своим зеленоватым шевелящимся покровом женщину, которая (здесь Льот снова потеряла глаза) сидела на груди ее отца. Оспак теперь хрипел громче. Он задыхался. Его мозг, околдованный странным сном, спал, а тело пыталось бороться. Могучие руки кружили в воздухе, разметаая дым и пытаясь оттолкнуть женщину. Беспорядочные движения не мешали призрачной женщине. Теперь она не просто сидела на груди Оспака, она душила его. Её длинные светлые волосы разметались по спине, на лице была злая, уродующая ее улыбка.

И тут Эйнар прыгнул. Это произошло настолько неожиданно и так быстро, что Льот не успела и глазом моргнуть. Мужчина приземлился на Оспака, точно позади душившей его женщины, и быстро намотав ее светлые волосы на руку, дернул ее голову назад. Женщина хрипела, но продолжала душить Оспака. В руке Эйнара появился какой-то блестящий предмет. Он поднес его к горлу женщины и что-то произнес. Она завизжала. Это звук напомнил Льот вой зимнего ветра за стенами их дома. Когда она была маленькой, она часто слышала этот звук и всегда его боялась... Взрослые смеялись над ней. А она знала, что это не пустые страхи. Кто-то действительно звал ее из темноты ночи. Звал, чтобы убить. Блестящий предмет в руке Эйнара сверкнул ярче. Женщина разжала руки и упала на спину. Эйнар сдернул ее с кровати и бросил на пол. Он стоял над ней, а она извивалась у его ног. И тут Оспак проснулся. Он сел на кровати и недоумевающим взглядом уставился на Эйнара. Потом он увидел женщину и закричал. Люди повывскакивали из своих кроватей и заметались по комнате. Бирта бросилась к Оспаку. Полуголый Гнуп бегал по комнате, сжимая в руке меч. Кто-то споткнулся и упал. Следующий упал на него, испугался, и стал кричать. В общем, началась такая суматоха, что понять что-либо стало невозможно. Льот по-прежнему стояла за занавеской, зажав рот руками, и смотрела на Эйнара. Она увидела, как мужчина окинул взором зал и вдруг резко взмахнул рукой. Дым рассеялся. Женщина, которую дым делал видимой, исчезла. Хлопнула входная дверь. Льот убрала руки от лица. Почему Эйнар отпустил призрачную женщину? Почему не убил ее? Ведь она чуть не задушила отца! У Льот было больше вопросов, чем ответов.

## Глава 4

Криспин покинул гостеприимный дом Оспака на рассвете. Небо было еще серым, а воздух сырым и прохладным. Растревоженные ночным происшествием люди крепко спали. Входная дверь, забыв скрипнуть, открылась, выпуская мужчину, и также беззвучно закрылась за его спиной. Криспин несколько минут стоял на пороге, полной грудью вдыхая холодный утренний воздух, а потом направился в сторону Скалистых гор. Он шел по узкой тропе, петлявшей среди покрытых травой даняньских домов, и улыбался. Из кармана его куртки торчала тростниковая дудочка. Миновав город, он стал подниматься вверх. Тропа расширилась настолько, что ее уже смело можно было назвать дорогой. Небо на востоке светлело с каждой минутой. Криспин ускорил шаг.

Он шел до тех пор, пока не услышал шум воды. Тогда он сошел с дороги и пошел на звук. Небольшая горная речка, подобно змее извивалась между каменных глыб и впадала в маленькое озеро. Криспин сел на корточки возле озера, вода в котором была прозрачной, как стекло. Белые, черные и коричнево-рыжие камушки устлали дно. Минуту помедлив, он опустил в озеро руку. Вода была ледяной. Страхнув с руки капли, Криспин встал и осмотрелся. Заметив недалеко от озера огромный валун, он забрался на него и достал из кармана дудочку. Небо было чистым и таким высоким, что глядя на него кружилась голова. Вода в озере сверкала на солнце. Из зеленой травы выглядывали головки цветов. Криспин поднес дудочку к губам и заиграл. Мелодия, которую он исполнял, была простой и вместе с тем прекрасной. Казалось, в ней соединились воедино все звуки, которые его окружали: журчание родниковой воды, щебет птиц и тихое дыхание ветра. Но это было настолько гармоничное сочетание, что хотелось слушать эту музыку вечно. Криспин играл долго, до тех пор, пока не услышал посторонний звук, диссонирующий с общей мелодией. Тогда он оторвал дудочку от губ и открыл глаза. В нескольких метрах от него стояла белая козочка и внимательно смотрела на него. Криспин улыбнулся и снова заиграл. Через полчаса количество козочек увеличилось в несколько раз. Они были уже повсюду: у озера, вокруг камня, на котором сидел Криспин, и даже на соседних камнях. Криспин положил дудочку в карман и хлопнул в ладоши. Усиленный эхом звук разнесся над горами. Козочки бросились врассыпную. Криспин встал на камне и, глядя на убегающих козочек, крикнул:

– Я не хочу никого убивать! Я здесь не за этим. Я пришел поговорить с тобой!

Цоканье копытцев стихло. Над озером вновь воцарилась тишина. Криспин вздохнул и покачал головой. Он собирался прыгнуть с камня, когда его внимание привлек новый звук. Постукивая изогнутым пастушьим посохом, к озеру шла старуха. Криспин улыбнулся. Его слышали. Это хороший знак. Скатившись с камня, он пошел навстречу старухе. Рванный плащ, надвинутый на глаза капюшон, длинные изогнутые ногти, сжимающие посох и ноги, развернутые ступнями назад. Это была она. Криспин поклонился. Старуха громко, с шумом втянула носом воздух и сбросила с головы капюшон. Морок исчез. Перед ним стояла красивая молодая женщина с длинными светлыми волосами.

– Меня зовут Криспин.

Губы женщины изогнулись в презрительной улыбке.

– Ты ведь не надеешься, колдун, что я скажу тебе свое имя?

– Я не колдун.

– Ты смог обхитрить меня вчера. Это мог сделать только колдун.

– Думаешь, что хочешь.

– Зачем ты пришел?

– Я ведь уже сказал: нам нужно поговорить.

– Мне это не нужно.

Криспин нахмурился.

– Тогда зачем ты пришла?

– Чтобы сказать: чтобы ты не делал, я все равно убью его! Ты не сможешь мне помешать!

– Тогда и я скажу тебе: если ты еще раз появишься в доме Оспака, я убью тебя!

Необычные глаза мужчины больше не светились. Лицо стало холодным. Он развернулся и пошел прочь.

– Стой!

Он продолжал идти, как шел. Фонтан ледяной воды вылетел из озера и обрушился на мужчину. Торжествующий смех подобно кинжалу ударил ему в спину. Отбросив с лица мокрые волосы, он вытащил из кармана дудочку и заиграл. Женщина снова засмеялась. Правда, продолжался этот смех не долго. Трава, на которой она стояла, пришла в движение. Она стала расти, обвивая ноги женщины. Стебельки цветов, вытягивались, заползая в ее длинные светлые волосы. Мышиный горошек уцепился за пальцы и стал подниматься вверх по рукам. Женщина попыталась освободиться от этих нежных пут и не смогла. Повинуясь звукам, издаваемым дудочкой, трава за несколько секунд полностью опутала тело женщины, превратив его в цветочный кокон.

– Что ты делаешь? Прекрати!

Криспин опустил дудочку, развернулся и пошел прочь.

– Вернись! Ты что, просто уйдешь, оставив все как есть?

Проходя мимо озера, Криспин взмахнул рукой, и длинная струя ледяной воды обрушилась на шевелящийся травяной кокон.

– Ай! Что ты делаешь?

Криспин усмехнулся. Давно он не играл в подобные игры. А это, оказывается, очень забавно... Вслед ему неслось:

– Не бросай меня! Пусть будет, как ты хочешь! Давай поговорим!

Он продолжал идти.

– Меня зовут Дьюри! Я прошу, вернись!

Криспин остановился, развернулся и пошел назад. Он остановился перед травяным коконом и стал осторожно убирать траву с лица женщины. Голубые, как небо, глаза сердито смотрели на него, драгоценными камнями сверкали среди розовых цветов мышиного горошка.

– Почему ты не уберешь всю траву?

– Не хочу больше купаться в ледяной воде. Да и времени у нас нет на подобные глупости. Солнце уже почти в зените.

Взгляд Криспина стал очень серьезным.

– Почему ты хочешь убить Оспака, Дьюри? Что он тебе сделал?

– Это не он. Его отец.

– Я не понимаю. Объясни.

– Освободи меня. Обещаю, я не буду больше обливаться тобой водой!

Криспин вновь вытащил из кармана дудочку. Несколько рулад и трава охапкой упала к ногам женщины. Она покрутила головой, а потом обреченно махнув рукой, села на ближайший камень. Криспин устроился рядом.

– Это было давно. Тогда люди были ближе к природе, чем сейчас. Нам, агуане, не нужно было прятаться от них. Мы жили в мире, границы между нашими поселениями и деревнями людей были скорее условными. Они не охранялись. Это было время свободы и счастья. Однажды, гуляя у подножья гор, я встретила юношу. Он был смелым и веселым. Это был Валь, отец Оспака. Мы стали много времени проводить вместе. Гуляли в горах, пасли скот на одних лугах. Я поведала ему о тайнах этого мира. Я дарила ему подарки. Он рассказывал мне о людях. Об их жизни, которая сильно отличалась от нашей. Тогда это занимало меня. Вместе нам не было скучно...

– Ты влюбилась в него?

– Да.

– А он?

– Он тоже говорил, что любит.

Криспин с жалостью смотрел на женщину. К счастью, она не видела этого взгляда. Дьюри смотрела на вершины Скалистых гор. Её лицо было печальным. Перья полярной совы, украшающие ее волосы, чуть дрожали на ветру.

– Все изменилось, когда я ему сказала, что жду ребенка.

– Что?! – Жалость на лице Криспина сменилась удивлением. Дьюри горько усмехнулась.

– Ты прав. Агуане не должны рожать детей от людей. Так гласят наши законы. А я нарушила их. Нарушила все до одного.

– Что сделал Валь, когда узнал, что ты ждешь от него ребенка?

– Он сказал, что у него уже есть жена. И сын. Что я не нужна ему. И ребенок мой не нужен.

Он хотел, чтобы я избавилась от него.

– Мне жаль...

– Это не все. Когда мой отец узнал, что я жду ребенка от человека, он прогнал меня.

В один момент я лишилась всего: своей семьи и мужчины, которого любила. Но я все еще надеялась, что он одумается и вернется ко мне, когда увидит нашего сына.

Продолжая смотреть на горы, Дьюри сжала руки в кулаки.

– Я родила ребенка в начале лета и долго просила Валя о встрече. Наконец, он согласился.

Руки женщины были так сильно сжаты, что костяшки побелели от напряжения.

– Мы встретились в горах. – Она качнула головой, подбородком указывая на горы. –

Но он пришел не один. С ним был его сын, Оспак. Я развернула пеленки, чтобы Валь мог увидеть нашего сына. Это был такой красивый мальчик... А он... Он схватил ребенка за ноги и бросил вниз, в ущелье...

Криспин потрясенно молчал. Из глаз Дьюри потекли слезы.

– Я не успела спасти моего мальчика... Я не ожидала, что Валь так поступит...

Несколько минут они сидели молча. Дьюри беззвучно плакала. Наконец, она вытерла слезы, и произнесла:

– Я отомстила ему! Я убила его так же, как он убил нашего сына! Столкнула его с горы!

– А Оспак? При чем тут он?

– Он видел, как Валь убивает его брата, но ничего не предпринял, не помешал ему!

Криспин пожал плечами:

– Но ведь он был очень мал. Сам еще ребенок...

– Ты оправдываешь его?

– Я просто пытаюсь рассуждать здраво.

– Он такой же, как его отец! Он плоть от плоти его! Он должен умереть!

Спокойствие агуане сменилось ненавистью. Её глаза сверкали. Руки то разжимались, то снова сжимались в кулаки.

– Я убью их всех! И мужчин, и женщин! Я сотру его род с лица земли! Не останется никого, в ком течет кровь Валя!

Криспин перебил ее:

– Ты думаешь, тебе станет легче, когда ты их всех убьешь? Ты сможешь вернуться к своей семье?

– Нет. Это исключено.

– Тогда что же? Ты забудешь о своем сыне?

– Нет!

– Тогда зачем все это?

– Затем, что я их ненавижу! Они не должны жить так, как будто ничего не случилось! Они должны страдать, как все эти годы страдаю я!

Голубые глаза Дьюри сверкали, и это был странный, безумный блеск.

– Ты думаешь, почему я все еще не убила Оспака? Конечно, не потому, что не могла. Я хотела, чтобы он страдал. И чтобы вся его семья страдала вместе с ним! Я сделаю так, что ужас воцарится в их доме! Они будут бояться даже нос из дома высунуть! Их скот падет, поля покроются сорной травой! Как только я покончу с ним, я займусь его женой, а потом и дочерью. Я убью их всех. Всех до одного!

В глазах Криспина больше не было жалости. Только тоска и боль. Он, как и Дьюри, смотрел на белоснежные вершины гор и... молчал. Он настолько погрузился в свои мысли, что вздрогнул, когда услышал крик:

– Эйнар! Наконец-то, я нашел тебя! Что ты здесь делаешь?

Лицо Дьюри исказилось от ненависти. Она набросила на голову капюшон плаща и вдруг... исчезла. Криспин обернулся. Сопя, как овцебык к нему быстрым шагом подходил Оспак.

\* \* \*

Вождь был настроен очень решительно. Он собирался получить от Эйнара ответы на все интересующие его вопросы и причем немедленно. Но не тут то было. Эйнара в доме не оказалось. Он не появился и тогда, когда все сели завтракать. На секунду Оспак испугался, решив, что Эйнар ушел также внезапно, как и появился, но стоявший у двери мешок развеял его опасения. Занимаясь ежедневными делами, вождь немного отвлекся и вспомнил об Эйнаре только тогда, когда солнце уже было в зените. Оспак почувствовал тревогу. Куда мог уйти его гость? Вдруг с ним что-то случилось? Немного подумав, он решил, что Эйнар мог пойти только к Скалистым горам. Недолго думая, и не взяв никого с собой, Оспак отправился следом за Эйнаром.

Он не любил горы. Просто не любил – и все. Это был не страх, нечто другое. Скажем, ему *неприятно* было здесь находиться. Именно *неприятно*. Почему – Оспак никогда не задумывался. Он просто не ходил в горы – и все. А вот сегодня пошел, потому что волновался за Эйнара. К тому же его беспокоило еще кое-кто. Та женщина, которую он увидел сегодня ночью... Её лицо было ему знакомо, но где и когда он мог ее раньше видеть, мужчина вспомнить не мог, хотя и пытался. Пытался все время, пока шел сюда. Увидев сидевшего на камне Эйнара, он обрадовался как ребенок. Правда, его радость исчезла сразу, стоило только тому обернуться. Бледное лицо, потухший взгляд...

– Что случилось?

Оспак плюхнулся на камень, вытирая потный лоб рукою.

– У тебя такое лицо... Это, вообще, ты?

– Я. Зачем ты здесь?

На лице вождя появилась растерянная улыбка.

– Ты пропал. Я волновался. Думал, ты заблудился.

Сообразив, что сморозил глупость, Оспак усмехнулся.

– Прости. Я знаю: ты не можешь заблудиться. Но тебя так долго не было...

– Ты видел кого-нибудь, когда подходил сюда?

– Нет. А что?

И тут данянина пронзила догадка:

– Тут кто-то был? Та женщина, которую я видел ночью?

– Ты знаешь ее?

Оспак еще раз провел рукою по лицу. Его взгляд остановился на озере.

– Ответь, Оспак!

– Её лицо показалось мне знакомым. Я все дорогу, пока шел сюда пытался вспомнить, где ее видел. Но так и не вспомнил. Наверное, старею...

Вождь встал.

– Ты куда?

– Я пить хочу.

– Сядь. Нам нужно поговорить.

– Но...

– Из этого озера пить нельзя. Сядь, Оспак.

Вождь послушно опустился на камень.

– Ты сказал, что не можешь вспомнить, где видел эту женщину раньше. Хочешь, я тебе помогу?

Оспак отвернулся.

– Это она хотела убить меня? Но почему?

– Ты хочешь вспомнить или нет?

– Хочу. Только...

– Это не больно.

– Хорошо. Что мне делать?

– Тебе – ничего. Просто посмотри на меня.

Мужчина тяжело вздохнул. Он хорошо помнил страх, который пережил в бане, когда посмотрел Эйнару в глаза.

– Только не надо копать у меня в голове. Там и так порядка сроду не было...

Эйнар улыбнулся.

– Обещаю: копать не буду. Кое-что найду – и все.

Вождь тяжело вздохнул. Смотреть Эйнару в глаза, это то же самое, что гулять в горах, но делать нечего. Зеленые, как трава глаза встретились с ореховыми. Оспак вздрогнул. Мысли заметались в его голове, как мыши к кладовке. Это сравнение было настолько верным, что ему даже стало щекотно. Перед глазами всплыло лицо отца... Вот он бежит к нему по траве... Выходит, Эйнар возвращает его в детство... А это что? Горы... Точнее тропа вдоль горного ущелья. К счастью, он идет по ней не один, а с отцом. Тот хмурится и отворачивается от Оспака. Наверное, он в чем-то провинился перед ним. Но в чем? Они остановились. Он хотел взять отца за руку, но тот оттолкнул его. Вдруг появилась женщина. Очень красивая, со светлыми как снег волосами. На руках она держит ребенка. Она подходит к отцу и разворачивает пеленки. Оспак встает на цыпочки, чтобы увидеть, что там находится. И вдруг отец хватает из рук женщины сверток и достает оттуда... ребенка. Тот плачет. Отец подходит к самому краю скалы и бросает ребенка в ущелье. Женщина кричит. Он тоже. И плачет. Ему жалко ребенка. Толчок в плечо. Темнота. Потом голос:

– Очнись, Оспак. Эй, ты здесь?

Он открывает глаза.

– Эйнар...

Он лежит спиной на камне, а Эйнар держит его одной рукой, подсунув другую ему под голову.

– Я вспомнил ее. Женщину. Она почти не изменилась. И еще. Теперь я знаю, почему не люблю горы.

Эйнар вытащил руку. Он сделал это очень осторожно, чтобы Оспак не ударился головой о камень.

– Кто этот ребенок?

– Твой брат.

– Почему отец убил его?

Эйнар отвернулся. Оспак осторожно сел. Потирая рукой лоб, вождь произнес:

– Я понимаю. Но я ни в чем не виноват. Тогда зачем?

– Ненависть. Она ненавидит вас.

– Всех?

– Да.

Вождь встал и пошел к озеру.

– Ты куда?

– Я хочу пить.

– Но я же сказал: из этого озера пить нельзя.

– Плевать. Эта женщина – агуане. Ведь так? Хранительница горных источников. Бабка рассказывала мне о них. Я думал, что это сказки.

Вождь зачерпнул рукой воду из озера и с удовольствием напился. Потом он вернулся назад, к камню сел и спросил:

– Что будем делать?

Эйнар помрачнел.

– Я не убийца, Оспак. Хотя многие именно так и думают.

– Ты не хочешь убивать ее. Понятно. Но тогда она убьет меня. Так ведь?

– Да.

– И ты позволишь ей это сделать?

Забыв о былых страхах, Оспак смотрел Эйнару в глаза.

– Нет.

– Ты не хочешь убивать ее и не можешь ей позволить убить меня. Я правильно понял?

Тогда что ты будешь делать?

– Бирта носит ребенка. Это мальчик.

– Ну, это еще неизвестно... Что? У нее будет мальчик? У меня родится сын? – Оспак вскочил с камня.

– Да. И вот что я хочу тебе предложить.

– Не томи.

– Я предлагаю тебе отдать сына агуане. Может быть, это смягчит ее ненависть.

– Что?!

– Согласен: это сложный выбор.

– А о Бирте ты подумал? А обо мне?

– Я все обдумал и другого выхода не вижу. Она ненавидит всех вас. Не только тебя, но и твою жену, дочь и даже еще неродившегося ребенка... Она собирается убить всех вас одного за другим. Это уже не просто ненависть. Это безумие!

– И я должен отдать этой сумасшедшей своего сына? Ты ничего другого, еще более глупого не придумал?

– Это твой отец сделал ее безумной, Оспак. Он разбил ей сердце!

– Я понимаю. Но при чем тут я? Почему я должен отвечать за его поступки? Я ведь не такой, как мой отец!

– Я знаю. Поэтому и хочу тебе помочь.

Криспин провел рукой по голове. Волосы были сухими. Одежда тоже уже практически высохла. И только копка вянущих на солнце травы и цветов напоминала о встрече с агуане. Мужчина вздохнул. Он терпеть не мог себя за то, что порой не может принять простого решения. За то, что он понимает, нет, чувствует как свою собственную, боль, которую испытывают Дьюри и Оспак. Он даже понимал мотивы поступка Валя. Не одобрял, но понимал, почему тот так поступил. Ах, как порой он ненавидит это свойство своей натуры! Ненавидит, но ничего не может с этим поделать. Ларгвиллы не смогли идеально разделить его душу. В нем остались жить чувства и воспоминания Кристэль, его второго «я». Порой это очень мешает ему прини-

мать решения. Даже самые простые. Оставалось надеяться, что все станет намного проще, когда они вновь объединятся.

– Эйнар...

Он очнулся.

– Что?

– А если она убьет моего сына?

– Тогда я тоже убью ее.

Оспак отвернулся. Эйнар нахмурился.

– Ты хочешь, чтобы я убил ее прямо сейчас? Ответь!

– Нет. Я, так же как и ты, не желаю ей смерти. Я помню, как она плакала там, на скале. Теперь помню. И я плакал. Мне было жаль ее и ребенка... После того случая я возненавидел отца и не жалел, что он вскоре погиб.

– Это она убила его.

Оспак опустил голову. Солнце стояло в зените. Камень, на котором они сидели, стал горячим. Тихо журчала вода. Маленькая птичка, дергая хвостиком, прыгала возле озера. Прилетела еще одна и птицы затрещали, как будто спешили поделиться новостями. Криспин встал.

– Идем, Оспак.

– Что случилось?

– Твоя жена рождает. Роды протекают тяжело. Надо спешить.

Вождь поверил Эйнару безоговорочно и сразу. Вскочив с камня, он бросил прощальный взгляд на озеро и побежал по направлению к Хродгерду. Удивляясь скорости, с которой двигался этот крепкий, немного даже грузный мужчина, Криспин последовал за ним.

## Глава 5

Подобно горному потоку Оспак скатился с горы, пронесся через город и ворвался в дом. После долгого бега под полуденным солнцем, внутри было темно, прохладно и непривычно тихо.

– Бирта! – голос вождя прозвучал как рев горного медведя.

Бирта не ответила, зато из-за занавески, отгораживающий женскую комнату от общей залы, появилась Льот. Он бросился к ней.

– Как там Бирта? Что с моим сыном?

Девушка закрыла лицо руками.

– Почему ты плачешь? Что случилось? Они живы?

– Позволь... – Отодвинув Оспака рукой, вперед вышел Криспин. Не обращая внимания на плачущую Льот, он по-хозяйски отодвинул занавеску и оказался в женской комнате. Там было тесно от столпившихся женщин. С бледным, покрытым потом лицом на кровати лежала Бирта. Громко сопя, Оспак последовал за ним.

– Пусть все выйдут.

Женщины возмущаясь, заговорили все разом. Лоб вождя прорезала глубокая вертикальная морщина, рот искривился:

– Вон!!!

Женщины бросились врассыпную.

– Льот и ты, – Криспин показал на старуху, которая, судя по всему, была акушеркой, – останьтесь. Мне может понадобиться помощь. Оспак, принеси мой мешок. Горячая вода есть?

Криспин говорил, одновременно расстёгивая жилет. Бросив его в угол, и даже не удосужившись посмотреть, куда тот упал, мужчина направился к Бирте. Старуха презрительно поджала губы.

– Что с ней?

Старуха нехотя ответила:

– Роды начались раньше срока. Ребенок не успел принять правильное положение.

Увидев вернувшегося вождя, она продолжила:

– Оспак, тебе вновь придется делать выбор между женой и младенцем...

– Не придется. – Криспин ощупывал живот Бирты. – Ребенок жив.

– Но он не сможет родиться!

– Сможет. Нужно только ему немного помочь. Где мой мешок?

Оспак протянул ему мешок, который все это время как ребенка прижимал к груди. Криспин поставил мешок на табурет в изголовье кровати и склонился к нему. Несколько слов, сказанных шепотом – и мешок открылся. Криспин покопался в нем и вытащил несколько небольших платяных мешочков. Следом за ними появилась металлическая кружка.

– Где горячая вода?

Льот схватила котелок за ручку и, не обращая внимания на то, что обжигает руки, понесла его Криспину. Тот отлил немного воды в чашку, поколдовал с мешочками, в которых были разные травы, и сделал отвар. Бирта застонала.

– Сейчас, сейчас...

Дуя в кружку, Криспин приподнял голову женщины.

– Пей. Только осторожно. Он горячий.

Бирта посмотрела на мужа и, увидев его кивок, сделала первый глоток. Криспин дождался, пока она выпьет весь отвар и сунул кружку Льот.

– Вымой ее. Она мне еще понадобится. А ты, Оспак, иди. Не нужно стоять здесь столбом. Ты только мешаешь.

Вождь тяжело вздохнул и... остался стоять на том же месте. Кристин закатал рукава рубашки и сделал Льот знак, чтобы она помогла ему их помыть. Девушка схватила кувшин. В том состоянии, в котором она находилась, она все понимала без слов. Вытирая руки куском чистой ткани, Криспин снова обратился к вождю:

– Ты доверил мне свою жизнь, Оспак. Теперь тебе придется доверить мне жизнь твоей жены и сына. Это сложное решение. Но иначе нельзя. Ты ведь сам это понимаешь.

Оспак кивнул. Его лицо было невозмутимым, но глаза...

– Обещаю, я сделаю все, что смогу. Я позову тебя, когда все закончится. Иди.

Выйти из комнаты было намного сложнее, чем сбегать вниз с горы, но Оспак сумел это сделать. Он вышел из женской комнаты и хотел сесть на стул в общем зале, но преодолел себя и дошел до входной двери. Еще одно усилие – и он оказался на улице. Криспин повернулся к женщинам:

– Бирта тебе лучше? Боль ушла? – Женщина кивнула. – Это хорошо. Но это только начало. Льот – ты на подхвате. Делаешь то, что я говорю. Ты – он посмотрел на старуху, – помогаешь мне. Итак, начнем...

Время для Льот остановилось. Девушка видела только Эйнара, слышала только его голос. Она стала частью чего-то важного. По крайней мере, ей так казалось. Льот видела, как длинные пальцы Эйнара ощупывают живот Бирты. Слышала, как он что-то обсуждает со старухой – и не понимала ни слова. Потом ей велели следить за Биртой. Она вытирала пот с ее лица и старалась успокоить. Что в это время делал Эйнар, она не видела. Потом она снова лила ему на руки воду из кувшина. Вода в тазу была красной от крови. Потом она поила Бирту каким-то новым отваром, приготовленным Эйнаром из травы, хранящейся в мешочках. В этот раз действие отвара было совсем не таким, как в первый раз. Бирта кричала и пыталась встать, а она ее держала. Наконец, появился младенец. Он был весь в крови. Эйнар и старуха-акушерка что-то делали с ним. Потом Эйнар оставил их и снова вернулся к Бирте. Он что-то сказал женщине и та заплакала. Потом Льот снова мыла ему руки, выносила грязную воду и пропитанные кровью простыни. А потом... Потом Эйнар обнял ее за плечи и поцеловал в лоб. И Льот заплакала. Маленький мальчик, отмытый акушеркой и завернутый в чистые пеленки, лежал на груди у Бирты и тоже плакал, как казалось Льот, басом. Старуха-акушерка поклонилась Эйнару, а потом вдруг схватила его руку и поцеловала. Мужчина смутился. Он осторожно вытащил свою руку из пальцев акушерки и спрятал ее за спину. Его волнистые каштановые волосы потемнели от пота, он выглядел уставшим, но его глаза светились таким теплым светом, что Льот снова заплакала, но теперь уже по другой причине. Появился взволнованный Оспак и сразу же бросился к жене и сыну. Продолжая улыбаться, Эйнар тихо вышел из комнаты. Льот хотела пойти за ним, но отец позвал ее и они втроем обнялись. Это было так прекрасно! То, что она испытывала сейчас, можно было назвать только одним словом – «счастье».

Оспак нашел Эйнара на заднем дворе, возле дровяного сарая. Тот сидел на бревне и курил трубку. Вождь пристроился рядом. Они сидели и молчали. Долго. Потом Оспак кашлянул и произнес:

– Спасибо.

Эйнар выдохнул сизый дым и ничего не ответил.

– Когда ты там... Когда Бирта...

Наконец вождь собрался с мыслями.

– Когда ты велел мне уйти, я пришел сюда. Я сидел на этом самом месте и молился богам. Эйнар усмехнулся.

– Может я зря это делал... Но я не знал, чем я еще могу помочь тебе... А еще... А еще я дал клятву, что если моя жена и сын выживут, я сделаю так, как ты говорил. Я отдам сына агуане.

Эйнар вытащил трубку изо рта и посмотрел на Оспака. Но вождь на этот раз обхитрил его. Он успел зажмуриться. Послышался тихий смех. Оспак приоткрыл один глаз.

– Только я не знаю, как это сделать.

– Что?

– Я не знаю, как мне ее найти.

Эйнар выдохнул дым и задумчиво произнес.

– Я думаю, что ее нужно искать в том месте, где твой отец... Где погиб ее ребенок. Ты помнишь, где это было?

– Да. Смутно, правда. Но я найду. – Оспак поковырял носком сапога землю. – Я пойду туда утром, пока Бирта будет спать. – Он тяжело вздохнул.

– У тебя, вождь, будет еще много детей. В том числе и мальчики.

– Откуда ты...

– Я это вижу.

Оспак замолчал и стал снова ковырять сапогом землю. Эйнар положил ему руку на плечо. Для худощавого жилистого мужчины, каким он являлся, она была очень тяжелой.

– Как ты решил назвать его?

– Клепп. Это означает скала. Пусть он будет таким же стойким...

Эйнар кивнул и стал выбивать трубку.

Оспак вышел из дома на рассвете. В руках он держал сверток. Оглянувшись по сторонам, он пошел по тропинке. Вождь двигался тихо и осторожно, словно боялся кого-то разбудить. Когда взошло солнце, он уже шел по дороге, ведущей вверх, в горы. Сверток закричал. Оспак прижал его к груди и стал качать. Кричтение стихло. Вождь ускорил шаг.

С трудом, но он нашел место из своих детских воспоминаний. Вот камень, напоминающий дверь, а вот и выступ, на котором тогда стоял отец... Оспак отошел подальше от края скалы и крикнул:

– Эй! Это я, Оспак! Я пришел!

Ему никто не ответил. Сверток в его руках снова закричал. Мужчина покачал его и снова крикнул:

– Выходи!

Сверток в его руках перестал кричать и захныкал. Вождь прижал его к себе и что-то тихо забормотал. Свертку этого оказалось мало. Хныканье сменилось громким плачем. Оспак растерялся. Он смотрел по сторонам, пытаясь отыскать агуане. Плач с каждой минутой становился все громче. И вдруг сверху посыпались камни. С облегчением вздохнув, он поднял лицо и увидел... Эйнара.

– Это ты?

Мужчина усмехнулся и стал спускаться. Через несколько секунд он уже стоял рядом с Оспаком.

– Ее нет...

– Она здесь. Просто ты ее не видишь. Дьюри, я заклинаю тебя твоим истинным именем, появись!

Оспак склонился к плачущему ребенку, пытаясь его успокоить, и пропустил момент, когда появилась агуане. Она стояла на большом плоском камне и смотрела на него голубыми, как небо глазами. Мужчине стало не по себе от этого полного ненависти взгляда. Он забыл, что хотел ей сказать. Пока он собирался с мыслями, заговорил Эйнар.

– Дьюри, Оспак пришел сюда, чтобы восстановить справедливость. Он хочет загладить вину своего отца. Настолько, насколько это вообще возможно...

– Я принес тебе своего сына! – голос Оспака дрогнул. – Конечно, он не заменит тебе собственного сына, но...

Лицо агуане сравнялось цветом с ее волосами и лишь глаза по-прежнему горели ненавистью.

– Мне не нужен этот ребенок! Как ты справедливо заметил, он не заменит мне сына! И твои уловки не спасут тебя, Оспак! Я убью тебя, как убила твоего отца!

Послышался шум. Эйнар схватил вождя, как будто это был не человек, а стол или стул, и переставил его на другое место. Огромный камень просвистел в воздухе и упал туда, где только что стоял Оспак.

– Послушай, Дьюри, месть еще никому не приносила радости, только временное облегчение...

– Вот и пусть. Пусть мне станет легче!

Снова послышался шум. Оспак вжал голову в плечи и наклонился, закрывая своим телом сына. Здесь, на скале, он вновь чувствовал себя ребенком, как много лет назад. И он снова страдал. Шум стих. Оспак поднял голову и расправил плечи. Вокруг него валялось огромное множество самых разных по размеру и форме камней. Странно, что ни один из них не попал в него... Подошел Эйнар и совершенно бесцеремонно забрал у него ребенка. Затем он развернул пеленки и вдруг одним резким, злым движением схватил младенца за ноги и поднял перед собой. Его лицо изменилось. Теперь на нем была только злость и презрение.

– Ты сказала, что тебе не нужен этот ребенок. Ну что ж...

Отбросив пеленки, он шагнул к краю скалы. Его рука, в которой был ребенок, поднялась еще выше и зависла над пропастью.

– Тогда пусть этот ребенок умрет! – и Эйнар разжал руку.

Голоса Дьюри и Оспака слились в один полный ужаса крик. Вождь упал на колени и схватился руками за голову. Агуане бросилась вперед и, оттолкнув Эйнара, следом за ребенком прыгнула вниз. Все это заняло лишь мгновение. Эйнар еще не успел опустить руку, а Оспак уже вскочил на ноги и бросился на него.

– Ты убил моего сына!

Он целился Эйнару в голову, но его огромный кулак неожиданно для нападающего, пролетел мимо цели. Вождь чуть не упал, по инерции сделал несколько шагов и развернулся, собираясь нанести новый удар, но тут словно облако, у самого края скалы появилась Дьюри. В руках она держала плачущего ребенка. Женщина тоже плакала. Слезы непрерывным потоком текли по ее лицу, а она их даже не замечала.

– Я успела... В этот раз я успела!

Эйнар усмехнулся. Его лицо вновь стало прежним. На нем не было ни ненависти, ни злости. Забыв обо всем на свете, Оспак бросился к сыну.

– Мой мальчик...

Он выхватил ребенка из рук агуане и завертел головой в поисках пеленок.

– Никто больше не посмеет пугать тебя...

По лицу вождя текли слезы, которых он, как и Дьюри, не замечал.

– Оспак!

Вождь обернулся.

– Отдай ребенка Дьюри.

Мужчина замер. Эйнар, улыбаясь, смотрел на него. Вождь замешкался, но потом все-таки превозмог себя и вручил ребенка женщине. Прошагав на негнущихся ногах несколько шагов, он поднял пеленки и снова вернулся к агуане.

– Возьми, а то он замерзнет...

– Он не замерзнет. – На лице женщины была улыбка. Она забрала у Оспака пеленки и быстро завернула в них ребенка. Её пальцы осторожно коснулись лобика младенца, и он тут же перестал плакать.

– Какой он красивый... Как ты назвал его?

– Клепп.

– Хорошее имя. И очень ему подходит.

Небесно-голубые глаза женщины смотрели на вождя. Теперь в них не было ненависти.

– Я знаю, как трудно далось тебе это решение. Твоя жена... – Оспак тяжело вздохнул, – скажи ей, что я забираю ее сына не навсегда. Однажды он снова вернется в свой дом. И это произойдет быстрее, чем ты думаешь. Я не буду ничего скрывать от него. – Она прикоснулась пальцем к щеке младенца. – Он должен знать, кто его отец. Я знаю, он будет тобой гордиться!

Женщина посмотрела на Эйнара. Тот улыбался.

– Оспак называет тебя Эйнаром...

– У меня много имен.

И тут Оспак заметил на плече Эйнара мешок.

– Ты уходишь?

– Да.

– Но ты же еще вернешься?

Улыбка на губах Эйнара стала шире.

– Может быть. А может, и нет...

Оспак шагнул к Эйнару, раскрыв объятия. Мужчины обнялись.

– Если я чем-то могу помочь тебе, Эйнар, ты только скажи...

Они разжали объятия.

– Береги ребенка, Дьюри. Такой подарок, какой тебе сегодня преподнес Оспак, случается только раз в жизни. – Женщина кивнула. Её лицо светилось от счастья. – И за этим, – он кивнула на Оспака, – присмотри. Агуане улыбнулась. – Он хоть ростом велик и телом могуч, но в душе еще сам ребенок.

– Кто? Я?!

Женщина засмеялась, поклонилась Эйнару и исчезла. Оспак обернулся. Ему нужно было возвращаться назад, в Хродгерд. Его ждал непростой разговор с женой. Но на душе у вождя было легко. Как она сказала? «Однажды он снова вернется в свой дом. И это произойдет быстрее, чем ты думаешь». Оставалось только надеяться на то, что Дьюри сдержит свое обещание. Не удержавшись от вздоха, он повернулся к Эйнару, но того уже не было. Не было слышно ни шагов, ни шороха камней. Одинокий воин исчез. Оспак посмотрел на небо. Далеко-далеко, над самой высокой вершиной Скалистых гор летели птицы. Еще секунда – и они растворились в бесконечной синеве. Вождь услышал гусиный крик, приглушенный огромным расстоянием и улыбнулся. Оспак знал, что теперь видя птичью стаю, он всегда будет вспоминать воина, потерявшего часть своей души, но по-прежнему великого в своих чувствах и устремлениях. Своего спасителя. Эйнара.

## Глава 6

Скалистые горы не остановили Криспина. Он преодолел их, так же, как до этого преодолел пустынное плоскогорье и Дорогу великанов, как преодолевал и другие многочисленные препятствия, встречаемые им на пути. Птицы в этот раз молчали, зато мыши, шмыгающие в траве у него под ногами, просто измучили Криспина своей болтовней. Он старался не прислушиваться к их голосам, но совсем отвлечься от этого постоянного писка ему не удалось. «Бедная девочка... Несчастный ребенок...» Эти слова преследовали его днем и ночью. И вот когда однажды утром, открывая свой мешок, чтобы достать еду, Криспин вместо слов отворяющего заклинания произнес «Бедная девочка...», он понял, что все, с него хватит и пока эти шмыгающие повсюду грызуны окончательно не свели его с ума, ему нужно разобраться в том, что происходит. Почему в этот раз птицы, которые обычно приносят ему просьбу о помощи, молчат, а мелкие грызуны день и ночь болтают о какой-то девочке? Может быть, родители ребенка не нуждаются в его помощи? Или, что более вероятно, у этой девочки просто нет родителей? А может... Тут Криспин остановил себя. Причин может быть великое множество и перебирать их все бессмысленно. Проще разобраться во всем на месте. По-кошачьи молниеносно Криспин отпрянул в сторону и схватил прятавшуюся в траве мышь. Держа ее за хвост перед своим лицом, мужчина произнес:

– Отвечай: где живет эта ваша «бедная девочка»?

Мышонок предпринял попытку освободиться, но сообразив, что у него ничего не получится, повис, растопырив в стороны лапки и вглядываясь в Криспина черными бусинками-глазами.

– Что ты молчишь? Отвечай, когда я тебя спрашиваю! – И мужчина нахмурился.

Мышонок пискнул и закрыл глаза. Его лапки повисли.

– Демон знает что! Не мышонок, а хитрый опоссум! Не хочешь говорить – не надо. Я думал, тебя волнует судьба девочки...

Мышонок открыл глаза и громко запищал. Криспин усмехнулся и опустил мышонка в раскрытую ладонь. Тот тотчас сел, сложив лапки перед грудью, и снова запищал. Криспин морщился, пытаясь разобраться в его несвязной и быстрой речи.

– Не части... Я уже понял, что девочка бедная... И несчастная... Это я уже не первый день слышу. Где она живет, можешь сказать? В лесу, под Караконджем? Плохое место. Очень плохое. Там болота везде... А я не люблю болота.

Мышонок замолчал, а потом вдруг прыгнул и укусил Криспина за палец. Мужчина вздрогнул и взмахнул рукой от неожиданности. Мышонок улетел в траву.

– Это что такое! Ты почему кусаешься?

Маленькие зубы не смогли прокусить огрубевшую кожу руки, но сам факт нападения поразил Криспина.

– Это уже слишком!

Подхватив с земли свой мешок, мужчина решительно зашагал прочь. В Каракондж он, конечно же, не пошел.

Вечером, устав после длинного дневного перехода, Криспин решил устроить привал и поесть «нормальной» еды, а не вяленого мяса. Он разжег небольшой костер и, дожидаясь, пока тот прогорит, пошел к ручью за водой. После утреннего происшествия грызуны больше не беспокоили его. Это было очень подозрительно. Умывшись и набрав в котелок воды, мужчина вернулся к костру. Повесив котелок на сооруженную из веток треногу, он потянулся к мешку и остолбенел от удивления. Его мешок медленно пополз в сторону. Криспин потер глаза. Потом, усмехнувшись, вытащил из кармана жилета дудочку и заиграл. Мешок остановился, а еще через секунду несколько сотен мышей подобно стае бабочек взлетели в воздух

и повисли, размахивая лапками и шевеля хвостами. Криспин отнял дудочку от губ. Мыши шлепнулись в траву и прыснули во все стороны.

– Стойте!

Ему никто не ответил и, конечно же, никто не остановился.

– Где тот, кто посмел укусить меня? Выходи, не бойся.

Маленький мышонок выбрался из травы и замер перед Криспином, сидя на задних лапках.

– Ты зачем это сделал?

Мышонок пискнул.

– Это не оправдание.

И тут лес наполнился писком. Звуки доносились сразу со всех сторон.

– Так вас тут целая армия... В плен меня взять хотите? – И мужчина засмеялся.

Мышонок еще раз пискнул и с важным видом, если таковой вообще может быть у маленькой полевой мыши, побежал прочь.

– Ладно, не обижайся. Вернись. Признаю, ты заинтриговал меня. Хорошо, я отправлюсь в Каракондж и постараюсь помочь несчастной девочке. Но с одним условием. – Криспин сел на корточки и протянул вперед руку. – Ты пойдешь со мной!

С улыбкой наблюдая за мышонком, который бесстрашно забирается ему в ладонь, мужчина добавил:

– Только, чур, больше не кусаться!

## Глава 7

От плохих привычек сложно избавиться. Особенно если это и не привычки вовсе, а скажем, обстоятельства, которые с завидным постоянством складываются не в твою пользу. В последнее время Криспин появлялся перед вождями самых разных племен, прямо скажем, не в самом лучшем виде: уставшим и грязным. Сегодня он превзошел себя, представ перед глазами Бирнира, вождем бьёрнов, с ног до головы покрытым болотной слизью и источающим отвратительный запах тухлых яиц и гнилого мяса.

Бирнир, в полном соответствии со своим родовым именем был могуч и волосат. Он восседал на огромном деревянном седалище под старым раскидистым орехом. Ни охраны, ни советников у него не было. Люди доверяли своему вождю решать споры и другие бытовые проблемы единолично. Символ власти вождя – металлическая цепь толщиной с большой палец на руке Криспина, чуть поблескивала на его волосатой груди. Появлению Криспина здесь были не рады и Бирнир это весьма успешно демонстрировал. Вождь хмурил брови и задирал подбородок, упиваясь собственной значимостью:

– Зачем пожаловал, Кранч?

Он выбрал самое обидное и уничижительное из его многочисленных имен и Криспин это отметил. Не смотря на столь явную попытку его унижить, он попытался улыбнуться. Губы растянулись в стороны, но улыбки не получилось. То, что появилось на лице Криспина, больше напоминало оскал:

– Говорят, что в твоём племени случилась беда, вождь.

– Кто эти болтуны, сующие нос не в свои дела?

– Вот один из них. – И Криспин извлек из кармана мышонка.

Хлопнув себя руками по ляжкам, Бирнир расхохотался.

– Ты совсем потерял рассудок, Кранч, если начал разговаривать с мышами!

– Ты прав, вождь, но сути дела это не меняет. Ты же не будешь отрицать, что в твоём племени случилась беда? Это как-то связано с маленькой девочкой.

Вождь нахмурился. И вдруг, словно случайно, его взгляд скользнул в сторону. Криспин проследил за этим взглядом и увидел девочку, которая пряталась за деревом.

– Это она?

– Это моя дочь. Эрла.

– С ней случилась беда?

– Не знаю, о чем ты говоришь, Кранч.

– Пусть она выйдет. Я хочу взглянуть на нее!

Бирнир взмахнул рукой. Девочка вышла из-за дерева и остановилась, понуриив голову. Криспин шагнул к ребенку, одновременно задавая вопрос:

– Сколько лет твоей дочери, вождь?

– Восемь.

– Совсем уже взрослая...

Подойдя к ребенку, Криспин присел на корточки, чтобы стать одного с нею роста и ласково попросил:

– Посмотри на меня...

Девочка качнула головой из стороны в сторону и еще ниже опустила лицо.

– А кто у меня есть? – Криспин поднес к ее лицу сжатую в кулак ладонь. – Это... – Его пальцы немного разжались, пропуская острую усатую мордочку.

– Мышка! – Девочка радостно засмеялась.

Криспин вздрогнул и отшатнулся. Пытаясь справиться с волнением, он с ужасом смотрел на ребенка, который в одну секунду на его глазах превратился в отвратительную старуху

с гнилыми зубами и дряблой кожей. Единственное, что оставалось в этом существе детского – это его смех.

– Что с твоей дочерью, вождь?

– А что? По-моему, все в порядке!

– Посмотри на ее лицо!

– Она никогда не отличалась особой красотой.

– Дело не в этом. Этому существу никак не может быть восемь лет. Это же старуха!

– Не преувеличивай, Кранч! Какая еще старуха? Наверное, вымазалась, когда играла...

Иди ко мне, Эрла. Иди, не бойся.

Девочка перестала смеяться и замерла на месте, не решаясь исполнить приказ отца. Мышонок громко пискнул. Криспин разжал пальцы. В ту же секунду мышонок прыгнул на плечо девочки и мгновенно спрятался у нее в волосах.

Бирнир слеповато шурился, вглядываясь в лицо ребенка. Вдруг его глаза широко раскрылись, и на грубом лице появилось удивленное выражение.

– Что с твоим лицом, Эрла? Что ты сделала с ним?

Девочка опустила голову.

– Ничего, отец. Я ничего с ним не делала...

– Но ты выглядишь отвратительно! Кранч прав. Ты похожа на старуху!

Девочка сжалась, опустила голову еще ниже и вдруг горько заплакала. Забыв, что его одежда в грязи, а от тела и волос отвратительно пахнет, Криспин прижал ребенка к груди и, глядя по голове, зашептал на ухо:

– Это был гамсилг, да? Ты посмотрела в зеркало оборотня?

Продолжая плакать, девочка кивнула.

– О, ларгвиллы! Почему вы не защитили это дитя! А впрочем... Не плачь. Я помогу тебе.

Шмыгая носом и глотая слезы, девочка прошептала:

– Ты Эйнар? Мими сказал, что мне может помочь только Эйнар!

– Да, я Эйнар. А кто такой Мими?

Девочка запустила грязную руку в свои лохматые волосы и попыталась вытащить оттуда мышонка.

– Ах, вот кто такой Мими... Понятно. Теперь мне многое стало ясно.

Услышав тяжелые шаги вождя, Криспин отстранился от девочки. Она судорожно вздохнула и вдруг мертвой хваткой вцепилась в рукав его рубашки.

– Не уходи!

– Я не уйду. Не бойся.

В их разговор вмешался Бирнир.

– Нашему гостю нужно привести себя в порядок. А пока он это делает, мы с тобой поговорим. Нам ведь нужно поговорить, Эрла? Ты так не думаешь?

Лицо девочки побелело от страха.

– Эйнар...

– Я здесь.

Девочка так вцепилась в его рубашку, что избавиться от нее можно было только вместе с рукавом.

– Иди, Кранч. Мне нужно поговорить с дочерью.

Огромный, как медведь, Бирнир навис над девочкой и сидящим рядом с ней на корточках Криспином. Эрла больше не плакала. Она икала от страха, по-прежнему вцепившись в рукав рубашки Криспина.

– О чем ты хочешь поговорить с ребенком, вождь?

– Не твое дело!

Этого оскорбления Криспин вынести уже не смог. Точнее – не захотел. Подхватив девочку на руки, он встал в полный рост. Его глаза поменяли цвет, став из ореховых почти черными.

– Все, что касается защиты людей от темных сил, является моим делом, вождь.

Бирнир открыл рот, но не смог ничего ответить. Презрительная гримаса на его лице сменилась отвращением, когда он посмотрел на свою дочь. Каким-то образом эта откровенная демонстрация неприязненного отношения отца к собственному ребенку уменьшила напряжение, возникшее между двумя мужчинами. Чувствуя, что девочке больше ничего не угрожает, Криспин поспешил сменить тему разговора.

– Я отвратительно выгляжу и плохо пахну. Ты был прав, вождь, когда говорил, что мне нужно привести себя в порядок. Где мне можно это сделать?

Ответ Бирнира показал, что вождь своих позиций сдавать не намерен, и по-прежнему себя считает главной фигурой не только в деревне, но в их с Криспином словесном единоборстве.

– Ручьев в лесу много. Выбирай любой.

## Глава 8

Лес располагался сразу за высоким забором из заостренных кольев, служивших своеобразной границей города. Криспин поступил так же, как час назад, только с точностью наоборот. Он толкнул рукой тяжелые скрипучие ворота, сделанные из тех же кольев, что и забор, и вышел из Караканджа. На одном плече он нес тяжелый мешок, а в другой сжимал ладошку Эрлы.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.